

Источники:

3. Cosmopolitan, январь 2007, октябрь 2009;
4. Elle, сентябрь 2009;
5. Glamour, октябрь 2006, сентябрь 2007;
6. Harper's Bazaar, февраль 2008, декабрь 2009;
7. MINI, октябрь 2007, ноябрь 2007;
8. Vogue, октябрь 2010.

Александра Савченко

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА А. САПКОВСКОГО «ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ»

Анджей Сапковский — известный польский писатель и публицист. Его произведения известны далеко за пределами Польши благодаря непривычному сочетанию фантастического обрамления и необычайной натуралистичности описанного гипотетического мира. Одно из самых известных произведений писателя — цикл «Ведьмак» — переводилось на немецкий, чешский, испанский, французский, английский и другие языки. В России оно неоднократно переиздавалось.

Для рассмотрения был выбран первый роман цикла — «Последнее желание» — в переводе Е. П. Вайсброта. Предметом анализа являются особенности перевода индивидуально-авторских неологизмов писателя.

Напомним, что понятие «неологизм» изменчиво во времени и относительно. Оно привязано к эпохе и трудноопределимо с точки зрения временных рамок, поскольку критерии отнесения того или иного слова именно к категории неологизма несколько субъективны. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В. Н. Ярцевой определяет неологизм как «слово, значение слова или словосочетание, недавно появившиеся в языке» [5, с. 331].

Со словообразовательной точки зрения принято выделять лексические и семантические неологизмы; с точки зрения функции и происхождения неологизмы делят на языковые неологизмы и окказионализмы, среди которых можно выделить авторские неологизмы и неавторские неологизмы (метеоризмы) [3, с. 12].

Авторские неологизмы — это «речевые новообразования, впервые встреченные на страницах письменного текста — художественного или научного — и не отмеченные в словарях национального языка, современного данному автору, живущие только в тексте и поэтому обладающие признаком необычности, новизны, но могущие превратиться в факты языка при благоприятных условиях» [3, с. 22; 9].

Большинство неологизмов образуется по существующим словообразовательным моделям, то есть теми же способами словообразования, что и другие функционирующие в языке слова. Хотя имеются и специфические приёмы образования новых слов, такие как междусловное наложение, контаминация, слияние, образование слов по конкретному образцу, построение слов с вымышленными корнями, изменение начального согласного, высвобождение аффиксов и других частей слова, использование их в качестве базовых основ, каламбурные и паронимические «игры» со словом и повтор-отзвучие [2].

Существует несколько типов лексических трансформаций, используемых в переводе, — это переводческое транскрибирование и транслитерация, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация и модуляция) [4, с. 188]. Настоящее исследование ставит

перед собой цель описать словообразовательные особенности перевода неологизмов романа А. Сапковского и выявить возможное наличие переводческих неточностей.

Подавляющее большинство неологизмов текста связано с номинацией несуществующих реалий фантастического художественного мира, созданного автором. Они могут быть разделены на тематические группы: чудовища и мифические создания; растения; народности, расы, профессии; слова, образованные от топонимов; названия неодушевлённых предметов и другие понятия.

Как правило, при переводе неологизмов первой группы использовалась транслитерация (т.к. в польском языке фонетическая и графическая системы весьма близки, то в данном случае можно говорить и о транскрипции также), как мы видим это в словах: альп (alp), боровик (borowik), брукса (bruxa), д'ао (d'ao), д'йини (d'jini), драконид (drakonid), гигаскорпион (gigaskorpion), гравейр (graveir), котолак (koto³ak), мамун (mamun), мгляк (mglak), муля (mula), рокита (rokita), сеидхе (seidche), сильван (silvan), сколопендроморф (skolopendromorf), утопец (utopiec), вьюн (wijun), жагница (żagnica). Последнее слово было переведено различными способами: в одном месте — просто жагница, в другом — жагница-коромысло, тогда как в оригинале никаких изменений не было.

В некоторых случаях имело место и калькирование. Примерами этому могут служить: latawka — летюга, niziołek — низушок, pochmurniki — потучники, widłogon — вилохвост, wojsilek — двусил, żugytwa — жряк и żywiolak — живоглот. В первых двух словах автор перевода взял за основу корень, не требующий, в сущности, перевода, и использовал русский аффикс для создания нового слова. То же, хотя и с некоторыми оговорками, можно сказать и о слове живоглот.

Pochmurniki от слова chmura, что означает туча. Таким образом, Е. Вайсброт образовал новое слово потучники по аналогии. То же мы видим и в слове żugytwa, образованном от разговорного глагола żęć, имеющего русский аналог жрать, соответствующий польскому эквиваленту и семантически, и стилистически, от которого было образовано слово жряк. Слово widłogon образовано путём сложения слов widły (вилы) и ogon (хвост), при котором наблюдается наложение (интерфикс о и первая гласная корня). Русский вариант неологизма — вилохвост — вполне ему соответствует, в отличие от слова двусил, где сохранена семантика второго корня, а вместо первого — woj, что означает «(истор.) В средневековой Польше: рыцарь, воин» [7, с. 475] использовался элемент дву-.

Слово dziwożona неологизмом не является. Оно взято из славянской мифологии и означает «злобную богиню, неприветливую к людям, заводящую их в болота и трясины» [7, с. 116]. А. Сапковский придаёт ему несколько иное значение, называя таким образом магическую расу, живущую в лесах и состоящую исключительно из женщин. Автор перевода называет их духобабамы, изменяя мотивацию названия.

Видимо, по аналогии с существительным dziwożona писателем было создано понятие dziworyba, означающее морское чудовище. Е. Вайсброт перевёл его просто как чудовище, заменяя более узкое значение единицей языка перевода с более широким значением, поэтому в данном случае можно говорить о генерализации.

Рассмотрим другие примеры необычного словоупотребления. Слово żagnica в польском языке имеет значение: «(зоол.) Aeschna grandis, большая стрекоза с золотистыми крыльями с бурым оттенком, которая быстро летает и живёт в стоячих водах» [7, с. 493]. У А. Сапковского это: «Чудовище, опасное для людей. Обитает в реках» [1].

В польском языке есть слово widłogonek со значением: «(зоол.) Маленькое, бескрылое насекомое, обитающее, главным образом, в тропических странах, характеризуется отсутствием глаз и брюшком, оканчивающимся раздвоенным отростком, живёт под камнями и во влажной земле» [7, с. 472]. Сравним widłogon у А. Сапковского: «Летающее чудовище-драконид. Ворует скот» [1].

Существительное wojsilka также предполагает нечто общее, с wojsi³ek, однако означает: «(зоол.) насекомое, имеющее обычно две пары крыльев болотного цвета, имеется много разновидностей;

обитает во влажной среде, хищные виды являются полезными» [7, с. 488]. Значение слова *wojsiłek*: «Безвредное [магическое] существо» [1].

Кроме того, в тексте встречаются названия, переведённые двумя словами. Это, например, *straszydła* (в тексте — во мн. ч.) [8, s. 92]. Это слово не было включено в общую таблицу, поскольку полноправно существует в языке и имеет значение: «(книжн.) Кто-то или что-то, имеющее отталкивающий вид; также называется *czupiradło, poczwała, monstrum, maskara*» [7, с. 322]. В романе переводится как кошмары и страховидла [8, s. 90]. Второй вариант является производным от слова страховидный: «Страховидный, ая, ое; ден, дна, о. Страшный на вид, безобразный. [Сборщик утиля] был человек по внешности суровый, даже, как говорится, «страховидный» — косматый, заросший седой щетиной, с багровым от солнца и ветра облупленным носом. Паустовский. Во глубине России» [6, с. 571, т. XIV, 1964].

Слово *stryga* [8, s. 121], что означает вампир, переведено как упырь и как стрыга. Мы можем говорить о том, что упырь в данном случае является адекватным эквивалентом данного понятия, а слова стрыга в русском языке нет, поэтому в данном случае перед нами лингвистический фантом.

При переводе названий растений транскрипция была использована в меньшей степени. Мы можем наблюдать её в словах пилорытка (*piłorytka*), скороцет (*skorocel*), вглубка (*wgłębka*) и ставикров (*stawikrewy*). При этом во втором случае конечный согласный, видимо, для благозвучия, был заменён, а в последнем имя существительное множественного числа стало существительным единственного.

Примеров калькирования же в рассматриваемой группе, напротив, много. Рассмотрим их подробнее.

Название *dętoływ* происходит от слов *dęty* и *głowa*. *Dęty* значит «наполненный воздухом, пустой внутри» [7, с. 156]. Переводчик использует аналогичные им прилагательное пустой и существительное глава, получая таким образом нужный эквивалент — пустоглав.

Dwugrot — от слов *dwa* и *grot* (наконечник). Второй компонент Е. Вайсброт заменил на стрел, рассчитывая, очевидно, вызвать у читателя ту же ассоциацию с острым предметом, но желая сделать название более благозвучным для русскоязычного реципиента.

Kryptokoni и криптофигии. Первая часть слов — общий для обоих языков интернационализм, вторую переводчик заменил на более научный элемент для благозвучия.

Muchokrzew переводится как муходрев. *Krzew* означает куст, но это слово в русском языке, как правило, не выступает в качестве одной из составляющих сложного слова, поэтому выбранный автором перевода вариант оправдан.

Необходимо отметить, что *mysichwost* в оригинале представляет собой существительное, в варианте перевода же это имя прилагательное мышехвостый, которое характеризует реально существующее растение ятрышник.

При переводе слова *ganog* Е. Вайсброт снова провёл ассоциативную связь между смежными понятиями утро и заря, превратив *ganog* в зарник.

Сложнее дело обстоит со словами *siężygron* и *szynaciec*. Определить их точную мотивацию не представляется возможным, а потому переводчику пришлось полагаться на собственный ассоциативный ряд и «чувство языка».

Однозначно говорить об использовании транскрипции в следующей выделенной нами группе (народности, расы, профессии) мы можем в случае слов дауки (*dauki*) и вожгоры (*woźgory*). Такой выбор переводчика объясняется тем, что в произведении и те, и другие упоминаются один раз и автор не даёт развёрнутого объяснения о том, что представляют собой эти создания. В тексте есть лишь указание на то, что это древние, ныне исчезнувшие, расы.

Приблизительно так же дело обстоит и с краснолюдами. В польском языке есть слово *krasnoludek*, что означает «1. В сказках: маленькое, бородатое создание, одетое, как правило, в красную одежду и остроконечную шапку, которое помогает людям и животным; иначе: *krasnal, skrzat*. 2. Фигура,

изображающая этих сказочных созданий» [7, с. 146]. А. Сапковский же использует название *krasnołud*, которое сам объясняет как разумную расу, способную сосуществовать с людьми. Согласно описаниям в тексте: «Рядом, скрестив руки на груди — плотный бородатый краснолюд в лисьей шубе, кольчуге и шлеме с бармицей из железных колец» [9, с. 279], эти существа не обладают ни внешним видом, ни свойствами, присущими *krasnołudkam*. То есть понятие *krasnołudek*, как мы видим из определения, практически соответствует русскому понятию гном, но в данном случае между ними нельзя ставить знак равенства, и Е. Вайсброт также воспользовался при переводе транскрипцией.

В случае со словом *magik* это не было удачным решением, поскольку, если мы обратимся к «Uniwersalnemu słownikowi języka polskiego [USJP] Wydawnictwa Naukowego PWN», то увидим, что: «*Magik* gr. *magikos* — 1. Человек, занимающийся искусством, основывающимся на ловкости и создающим впечатление магического; иначе: *sztukmistrz*, *kuglarz*, *prestidigitator*, *iluzjonista*. 2. (разг.) а) кто-то, кто обманывает так ловко, что его нельзя на этом поймать; б) кто-то, кто достиг в чём-либо совершенства» [7, с. 366]. В тексте произведения это слово используется в значении «маг, чародей», в переводе же мы встречаем два варианта: маг и магик. Последнее слово в русском языке отсутствует, более того, существует множество синонимов для обозначения понятия «человек, обладающий магическими способностями», поэтому в данном случае такой перевод можно рассматривать как пример лингвистического фантома.

Одним из ключевых понятий для всего цикла романов является *wiedźmin*. Это слово образовано от слова *wiedźma*, что значит ведьма. Исходя из текста произведения, *wiedźmin* — это «человек, обретший возможность сражаться с чудовищами и нежитью, благодаря специальным тренировкам и некоторым генетическим изменениям, влияющим на скорость реакции, остроту зрения, выносливость, способность к регенерации и т.п. Он способен видеть в темноте, имеет «иммунитет» против гипноза. Обычно владеет зачатками магии» [1]. В русском варианте это слово переводится как ведьмак. Следует учитывать, что в русском языке оно имеет несколько иную семантику: «Ведьмак, а, м. Обл. 1. Колдун. Мы знали только явные предметы и наговоры, а тайные, самые интересные, известны были одним ведьмакам. Рыленков, Волшебн. книга. 2. Оборотень. На пне сидит ведьмак, звёзды считает когтем... Голова у ведьмака собачья, и хвост здоровенный, голый. А. Н. Толстой. Ведьмак» [6, с. 76, т. II, 1951 г.]. При этом в польском тексте слово *wiedźmak* используется в качестве устаревшего названия профессии, в русском переводе устаревший вариант, напротив, переводится ведьмин. Выбор переводчика был продиктован, судя по всему, тем, какой вариант будет привычнее и благозвучнее для реципиента.

Среди перевода названий неодушевлённых предметов следует отметить *karło* — согласно «Uniwersalnemu słownikowi języka polskiego [USJP] Wydawnictwa Naukowego PWN»: «(истор.) кресло с s-образными скрещёнными ножками, которое использовалось в античном Египте и Риме, распространённое в средневековой Италии» [7, с. 150].

На основе проведённого исследования сделаны следующие выводы:

1. Тематическая классификация лингвистических единиц данного текста показала, что большая часть неологизмов (36 единиц из 75, что составляет 48 % от общего числа) является названиями различных сверхъестественных созданий и мифических существ, созданных автором, также большую группу представляют собой несуществующие растения (14 единиц, т.е. приблизительно 18 % от общего числа), следующая категория — народности, расы, профессии и другие обозначения разумных существ (9 единиц, 12 %), небольшую группу составляют слова, образованные от топонимов (6 единиц или 8 %), и наименьшими группами, одинаковыми по количеству, являются названия неодушевлённых предметов и абстрактных понятий и так называемые Знаки (по 5 единиц, т.е. около 7 % каждая).

2. Словообразовательный анализ материала показал, что для перевода слов, не имеющих соответствия в русском языке, в большинстве случаев была использована транскрипция (42 случая, что составляет 56,75 % от общего числа рассматриваемых единиц), в некоторых случаях использовалось калькирование (24 случая, 32,45 %), причём в двух из них один из двух корней, составляющих основу, был переведен неточно (*siężygron* — пивоград и *dziwożona* — духобаба), был выявлен один случай генерализации (что составляет 1,35 %) и несколько случаев, когда мотивация переводчика осталась неизвестной (7 случаев, т.е. 9,45 % от общего числа).

3. С точки зрения морфологии подавляющее большинство исследуемых единиц является существительными (69 единиц или 92 %) и только малая часть неологизмов представлена другой частью речи, а именно — прилагательными (6 единиц, что составляет 8 % от общего числа).

4. В ходе исследования было обнаружено несколько случаев лингвистических фантомов (примерами могут служить слова низушок, магик, инность, карло и др.), т.е. не существующих в языке перевода понятий, появившихся вследствие неточностей перевода.

Литература

1. Бестиарий пана Сапковского. Словарь фантастических терминов / Журнал «Лавка фантастики» — [Цитировано 2010, 10 марта] — Доступно с: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008286/1008286a1.htm>.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — М.: Ин-т рус. языка РАН., 1992. — 221 с.
3. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. — Издательство Ростовского университета, 1986. — 160 с.
4. Паршин А. Теория и практика перевода / А. Паршин. — М., 2001. — 287 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М., 2002. — 709 с ил.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич; В. И. Чернышев. — М., 1950; 1951; 1954; 1955; 1958; 1961; 1962; 1965, т. 1; 2; 3; 4; 7; 11; 14; 17.
7. *Universalny słownik języka polskiego [USJP]* Wydawnictwa Naukowego PWN — W.: PWN, 2002. — 525 s.
8. Sapkowski A. *Ostatnie życzenie* / A. Sapkowski — Warszawa, 2003. — 288 s.
9. Сапковский А. Геральт: Последнее желание: Фантаст. Роман / Пер. с польского Е. П. Вайсброта / А. Сапковский. — М., 2004. — 271 с.